

-Мaksim, когда у тебя появилось осознанное желание стать актером?

— Желания как такового не было. Просто обстоятельства сложились таким образом, что либо я поступал в вуз, либо уходил в армию. Моя бабушка, бывшая актриса, подготовила для меня программу, с которой я и пришел в Шуйкинское училище. То есть я сдавал экзамены и не мог ответить на вопрос: "А правильно ли выбран институт?"

— Выходит, для тебя в первую очередь было важнее избежать воинской обязанности...

— Получается, что да.

— А правда, что ты даже в психушке полежаешь успел? Чтобы освобождение получить?

— Знаешь, я уже столько об этом рассказывал, что лучше не стоит повторяться. А то однажды мне позвонили из психоневрологического диспансера и предложили их посетить.

— Ну а в школьные годы приходилось мечтать, кем станешь?

Максим Суханов: "Актер не должен быть голодным!"

— Как-то мне в то время не мечталось. Я только совершенно точно знал, что не буду милиционером или инженером. В этих профессиях необходимы точные науки, а меня к ним не особо тянуло.

— Стало быть, все свободное время отнимала учеба? На "пятерки" учился?

— "Пятерка" у меня только по физкультуре была. По литературе и истории — "четверки". Ну а физика, математика или химия меня не интересовали, да и не мог я найти им применение. Досуг? Музыкой занимался, в хоккей играл. Ходил вместе с мамой в театр. Дружил со старшеклассниками...

— Кем бы ты мог стать сегодня, если бы не удачная актерская карьера?

— Врачом, может быть... Врачом, который поет.

— Медицинская работа тоже под собой точные науки подразумевает...

— Моя медицина не была бы традиционной.

— Когда ты, в рамках выбранной профессии, впервые почувствовал уверенность в своих силах?

— На четвертом курсе, когда мы играли дипломные спектакли и примерно в то же время меня к себе пригласил Марк Захаров. Заболел Виктор Проскурин, и мне, студенту, предложили ввестись на главную роль в спектакле "Парень из нашего города".

— Появились поклонники, стали узнавать на улицах...

— Тогда, конечно, нет. Да и сейчас меня не очень-то узнают. Впрочем, я могу этого просто не замечать, потому что постоянно езжу на машине. К тому же если говорить об узнавании вообще, то главную роль, как мне кажется, сыграл фильм "Страна глухих".

К вопросу об узнавании. Года два назад к нам в редакцию пришло письмо. Его автор, работница одного из областных предприятий, получила месячную заработную плату... пластмассовыми крематками.

Буквально на следующий день после выхода материала о необычной зарплате в редакцию позвонил молодой человек: "Здравствуйте, меня зовут Максим. Я прочел статью и хотел бы приобрести эти крематки. Они мне пригодятся, и женщину, как мне кажется, сможем выручить..."

На следующий день обладательница крематок и Максим встретились в стенах "МК". Крематки сменили владельца. Бывшая хозяйка и ее спаситель сфотографировались на память.

Что тут можно сказать? Только спустя несколько дней наш гость был опознан как актер Максим Суханов...

— Тебе не обидно? Сыграть множество ролей и прославиться после одной? Не возникал вопрос: "А чем же я до этого занимался?"

— Даже если бы узнавание или популярность пришли ко мне лет в 80, то и тогда не нужно было бы задавать себе этот вопрос. Хорошая игра и популярность — не зависящие друг от друга события. Я не думаю, что "Страна глухих" разом перечеркнула все мои предыдущие работы. Скорее добавила...

— Думаю, не одному мне интересно, понимает ли Максим Суханов язык глухонемых?

— Немного... Его можно выучить, как и любой другой. После съемок, к которым нас специально готовили, определенные знания остались. Однажды подошла девочка, просить милостыню, и показала, что не может говорить. Я тогда ее спросил: "Что случилось?". Она не поняла. Мне показалось, что на самом деле она глухонемой только притворялась.

— Так и ушла ни с чем?

— Девочка осталась довольной...

— После репетиций и съемок не возникали такие ситуации, когда ты машинально продолжал жестикулировать?

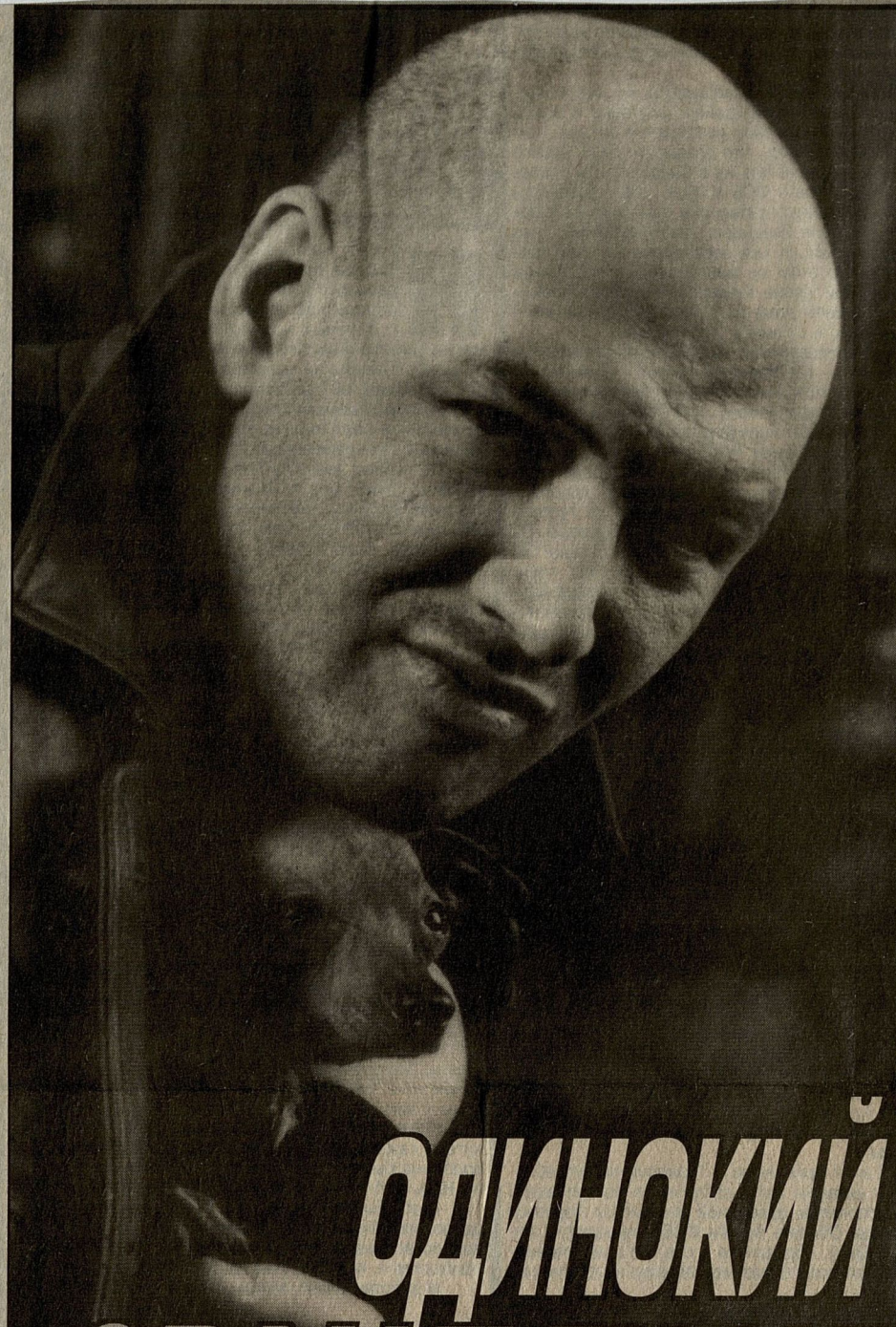
— Лично я за собой такого не замечал. Кроме того, если бы мы снимали фильм целый год, то что-нибудь такое и могло бы иметь место, но мы уложились в два месяца.

— Сложно играть физически неполноценного человека?

— Скорее не сложно, а интересно. Если мы играем неполноценность как неполноценность и относимся к ней соответствующим образом, то тогда лучше вообще не играть и о ней не разговаривать, потому что в этом случае она будет представлять из себя только физический недостаток. Но дело в том, что любой недостаток все равно связан с содержанием человека. Я думаю, что гораздо интереснее увидеть неожиданность, скрытую внутри, чем то, что лежит на первом плане.

— У твоего героя был такой пронзительный монолог о любви к проститутке. Дескать, она приходит и уходит, когда я хочу, не притворяется, будто бы меня любит и т.д. Ты согласен с этим утверждением?

— Здесь все зависит от увлечения проституцией как таковой, и мне сложно ответить, потому что я ей пока не увлечен. А если говорить о Свинье как о бандите, не боящемся совершать разные поступки, то мне кажется, что он пугается чувства, которое может открыться у него к женщине.

ОДИНОКИЙ ОРАНГУТАНГ ИЗ СТРАНЫ ГЛУХИХ

Есть такая категория актеров, которые известны только в своем сугубо узком коллективе. Взять, например, Максима Суханова. То, что его знают и ценят в театральном мире, было известно давно. Но повсеместно о нем заговорили только после того, как на экраны вышла картина "Страна глухих". Многие мои знакомые, которые и слышать не слышали про такого человека, теперь с восторгом говорят, как им понравилась его роль, и интересуются, в каких еще фильмах можно его увидеть. В чем секрет его успеха? В обаянии? Искренности? А может быть, в умении мгновенно перевоплощаться из очаровательного душки в разъяренного монстра? Вряд ли найдется сегодня критик, который раз и навсегда ответит на поставленный вопрос. Факт, однако, остается фактом. Актер может быть плохим или хорошим. Узнаваемым и незаметным. Любимым и презираемым. Но либо он есть, либо его нет. И по-другому быть не может. К Максиму Суханову все вышеперечисленное можно отнести вне всяких сомнений. А если добавить ко всему прочему государственную премию за спектакль "Хлестаков", "Нику" за "Страну глухих" и разнообразные слухи, которые постоянно окружают любого заметного актера, то поневоле задаешься вопросом: "А кто же он такой, этот человек, который одним лишь взглядом наповал сражает представительниц прекрасного пола, а мужиков заставляет подтянуть живот и расправить плечи?" Попробуем разобраться...

— Для кого в первую очередь играет актер? Для себя или для зрителя?

— Лично я в первую очередь играю для себя. Это одно из условий, которое приближает меня к тому, чтобы не думать о зрителе, когда я выхожу на сцену или репетирую. Я думаю о том — интересно мне или не интересно. Насколько я сам себя могу удивить. Если все эти чудеса начинают происходить со мной, то есть надежда на трепет зрителя.

— Что для тебя в работе является точкой отсчета?

— Для меня точкой отсчета является режиссер. Именно режиссер хочет поставить конкретный спектакль, именно он хочет увидеть меня в роли. И именно поэтому я всегда был против вторых составов.

— А что так?

— Назначение второго состава указывает на растерянность режиссера по поводу своих концепций и фантазий и на скрытое равнодушие, пусть не полное, к актерам.

— Ты готов сыграть любую роль или все-таки есть определенные табу?

— О внутреннем табу речь может идти только в том случае, если я общаюсь со слабой драматургией, слабым режиссером или роль не предполагает объема. А вообще я всегда играю в хорошем настроении, и поэтому мне близки все роли без исключения.

— Как тебе удается выходить на сцену в хорошем настроении?

— Ожидание спектакля в течение всего дня и создает хорошее настроение. А если оно не рождается, то, значит, ты болен и тебе нужно отдохнуть.

— Плохое настроение это в первую очередь стресс. А стресс в России, как известно, лечится водочкой...

— Не хочу пить, мне не вкусно... Это же нормально: кто-то не курит, а я не пью.

— А как насчет наркотиков?

— Пока обоюсь... С другой стороны, я не знаю, что со мной будет дальше — с нашей "корбочкой" возможны любые сюрпризы. Особенно с затылочной долей.

— Ты нашел своего режиссера?

— Да, это Владимир Мирзоев.

— Чем он тебя заинтересовал?

— Всем. Он мне по-человечески близок, у него высокий интеллект, с ним интересно говорить на любые темы. Мирзоев чувствует актеров, знает язык, на котором следует говорить сегодня со зрителем. Знает, какие спектакли нужно ставить, не опираясь при этом на традиции как на нечто непоколебимое. И его талант меня, конечно, завораживает.

— Тем не менее режиссер никогда не работает только с одним актером. Тебя никогда не посещает чувство ревности?

— Лично меня нет. Ревность довольно глупое чувство. Она никогда не несет за собой ничего позитивного. Хотя посетить нас могут любые неожиданные.

— Почему же тогда ты не работаешь с другими режиссерами? Не приглашают?

— Я не могу сказать, что вокруг меня поток предложений, но что-то все время предлагается. В силу разных причин не все пока состоялось. Мы могли не сойтись по срокам, по концепции, по произведению, по людям, которые в этом произведении должны быть заняты... Может быть, режиссеры думают, что я работаю только с Мирзоевым? Я такого никогда не говорил...

— Говорят, что все твои персонажи похожи один на другой. И увидеть принципиально нового Максима Суханова нам никогда не удастся...

— Действительно, все мои персонажи похожи только на меня, непохожего на всех остальных.

— Когда можно будет увидеть твои новые киноработы?

— В январе запланирована премьера фильма "24 часа". А в декабре — картины "Женщин обижать не рекомендуется", где мы до сих пор снимаемся с Верой Глаголевой. Играть с ней — большая радость...

— Чем ты в свободное время занимаешься?

— Могу лежать целыми часами или книги читать. Занимаюсь музыкой, что-то сочиняю. Занимаюсь со своими детьми, когда не лежу. Люблю машину. Люблю скорость.

— Гаишники прощают?

— Нет.

— Но ты им представляешься? Дескать, я не просто водитель...

— ...а лауреат государственной премии, да? (Смеется.) Нет, я как-то пока без подобных мер обохожусь.

— Тебе предпочтительнее дать инспектору на лапу?

— Проще говоря, заплатить штраф. И в этом нет ничего удивительного — мы же сами поставили гаишников в такие условия, что они не могут не брать деньги. ГАИ — это отдельно выращенный класс в масштабах государства. И хоть за кого-то есть уверенность, что не будут бастовать из-за зарплаты.

— Не боишься однажды остаться без работы?

— А как это "бояться остаться"? Бояться можно, когда ты уже остался без работы. Да и как можно себя застраховать? Открыть свою киностудию? Но у меня нет таких денег. И с собственным театром аналогичная ситуация...

— Вот что странно: ты позволяешь себе выбирать роль или режиссера, в то время как твои коллеги то и дело жалуются на творческий простой.

— Двух одинаковых судеб быть не может... Да и не выбираю я ничего — все происходит само по себе. Я не выбирал театр Вахтангова, а театр выбрал меня. Я не хожу по киностудиям — они сами приходят ко мне. Или не приходят. (Смеется.)

— А почему раньше не приглашали?

— Не устраивал, наверное, мой типаж. Меня, как правило, отбрасывали, едва взглянув на фотографию.

— Если рассматривать ситуацию в кино, то тебе не хотелось бы в корне ее изменить?

— Стать во главе? Может быть... Но дело в том, что по природе своей я не революционер.

— Громкое слово, тебе не кажется?

— Смотря как к нему относиться. Если с позиции французской буржуазной революции, то громкое, а если говорить о современном российском кино, то можно поспорить. В любом случае, чтобы что-то в нашем кино изменить, для этого необходимо изменить устои. Лишить людей определенных благ, чтобы позднее вернуть им в большем объеме.

— Устои обязательно ломать?

— А как иначе можно добиться результата? Ну хотя бы весело фантазировать. Существует, допустим, налог с продажи табака или алкоголя. Его можно целиком направить на нужды культуры. Но для этого требуется решение на высоком политическом уровне, и понеслось... Скука смертная!

— То есть политикой ты совсем не интересуешься?

— Я не готов переживать за политику, как во время решающего матча переживают за любимую футбольную команду. Я интересуюсь ей поверхностно и только для того, чтобы понять, когда наступит время собирать чемоданы.

— Ты готов уехать из страны?

— Да, если ситуация будет наступать на хвост, на пятки или, не дай бог, на голову мне или моим родственникам. Семья для меня прежде всего.

— Патриотизм для тебя пустое слово?

— А это и есть патриотизм. Чем больше ты заботишься о себе и своих близких, тем богаче становится вся страна.

— Есть такая тенденция: если актер не мелькает постоянно на экране, то непременно имеет свой бизнес. Ресторан, магазин и т.д. Как тебе кажется, насколько легко сочетаются столь диаметрально противоположные занятия?

— Способность сочетать подобные вещи должна изначально находиться внутри человека. С чем бы это сравнить? Вот идет человек на лыжах, снег заканчивается, человек снимает лыжи и продолжает двигаться дальше. То есть он продлевает эти движения машинально, не задумываясь. Так же и в бизнесе: переход из одной профессии в другую, от одного состояния ко второму требует абсолютной органики.

— В любом случае бизнес приносит определенный доход. А как быть с утверждением, что актер должен быть голодным?

— Это тебя кто-то обманул... С какой стати актер должен голодать? Нет, ну если он сам этого хочет, то никто не в силах ему помешать.

— К какому поколению актеров ты себя относишь?

— Если говорить о поколении в целом, театральном или киношном, то я себя никуда не причисляю и не хочу причислять. Мне кажется, что люди объединяются в какие-либо группы от некой безысходности. А я двигаюсь осторожно, но один.

— Этаким одинокий волк?

— Скорее орангутанг, да еще и одинокий...

Беседовал Андрей ТУМАРКИН.

Алексей Яковлевич Милос. — 1999, — 2005. — С. 4

2.12.99.

Суханов Максим